

14 AN DU JUIF DREYFUS

en Cour d'Assises.-Plaidoirie de M. Jaurès

Д'Ê LO Дрейфуса

HAUTE TRAHISON

Л. Г. ПРАЙСМАН

Л. Г. ПРАЙСМАН

ДЪЛО Дрейфуса

Нестор-История
Санкт-Петербург
2020

УДК 94
ББК 63.3(0)53
П68

Прайсман Л. Г.

П68 Дело Дрейфуса / Л. Г. Прайсман. — СПб. : Нестор-История, 2020. — 176 с.

ISBN 978-5-4469-1759-4

Книга «Дело Дрейфуса» рассказывает об обвинении капитана французской армии, еврея по национальности, Альфреда Дрейфуса в шпионаже в пользу Германии в конце XIX века. В ней описываются запутанные обстоятельства дела, всколыхнувшего Францию и весь мир и сыгравшего значительную роль в жизни французского и еврейского народов. Это первая книга о деле Дрейфуса, изданная в России. Она открывает перед читателем одну из самых увлекательных страниц истории XIX века.

Автор книги, Леонид Прайсман, израильский историк, известен читателю своими монографиями и статьями об истории терроризма и Гражданской войны в России.

ISBN 978-5-4469-1759-4

9 785446 917594

© Прайсман Л. Г., 2020

© Издательство «Нестор-История», 2020

Содержание

Вступление	4
ФРАНЦУЗСКИЕ ЕВРЕИ И ФРАНЦУЗСКИЕ АНТИСЕМИТЫ ДО ДЕЛА ДРЕЙФУСА.....	6
Антисемитизм правых	6
Левый и социалистический антисемитизм	8
«Толпа евреев с жирными лоснящимися лицами»	12
Еще одна сторона взаимодействия двух культур	19
Алжирский пролог дела Дрейфуса	22
Панама	23
«Эти грубые грязные татары»	27
Первое столкновение	31
СУД И ОСУЖДЕНИЕ ДРЕЙФУСА.....	35
Полицейская оперетта	35
Единая Франция	47
Типичный офицер	50
Чертов остров	55
БОРЬБА ЗА ПЕРЕСМОТР	58
Первые дрейфусары	58
Деятельность Пикара	62
Генеральские фальшивки	69
Любимец французских националистов	77
ДВЕ ФРАНЦИИ.....	84
Письмо Золя	84
Кто автор бордеро?	87
Погром!	93
«Смыть всю грязь Израиля»	98
Французские евреи во время дела Дрейфуса	109
Суд над Золя	117
Борьба усиливается	125
Процесс в Рене	139
ОТНОШЕНИЕ К ДЕЛУ ДРЕЙФУСА В РОССИИ И В СССР	153
Послесловие	174

Вступление

Тема этой книги — дело Дрейфуса. Дело, являющееся одной из важных страниц в истории еврейского народа и возникновении сионистского движения, сыграло не менее значительную роль во французской истории. Евреи увидели, что даже в самой передовой стране того времени, предоставившей им в 1790 г. гражданские права, их положение непрочное, а широким слоям французского народа показало, что под прикрытием антисемитской пропаганды к власти рвутся ультрареакционные силы.

Дело стало рубежом двух веков. Устраивающие погромы на улицах организованные по-военному отряды погромщиков из Лиги антисемитов были явным прообразом будущих штурмовиков в нацистской Германии, принадлежали XX веку. А невиданная кампания, разделившая не только Францию, но и весь мир, в защиту вчера еще никому не известного капитана еврея куда более энергичная, чем все протесты в мире во время Холокоста, была проявлением либерального XIX века. Как случилось, что Альфред Дрейфус, типичный средний французский офицер, разделявший все предрассудки своего сословия, в том числе и французский шовинизм, ничего до конца жизни не понявший ни в своем собственном деле, ни в кампании в его защиту, стал символом страданий еврейского народа на его многовековом пути?

Многие обстоятельства дела Дрейфуса остаются до сих пор загадочными, и оно, учитывая рост антисемитизма

Вступление

в мире, остается более чем актуальным. Во Франции, США, Англии, Германии и других странах публикуются работы, посвященные делу Дрейфуса. И только в Советском Союзе и России, за исключением нескольких журнальных статей и небольших разделов в двух-трех книгах, о нем не написано ничего. Наша книга является первой попыткой восполнить этой пробел.

Французские евреи и французские антисемиты до дела Дрейфуса

Антисемитизм правых

В течение XIX века французские евреи находились в более благоприятном положении, чем евреи какой-либо другой страны. Они раньше всех остальных евреев получили равноправие с христианами. Португальские, испанские и авиньонские евреи обрели все права гражданства в январе 1790 года, а эльзасские — 27 сентября 1791 года¹. Правда, их положение несколько ухудшилось в эпоху Наполеона, в результате декретов 1806 и 1808 годов. Но после реставрации Бурбонов им опять вернули все права, и сменяющие друг друга политические режимы во Франции были постоянны в своем хорошем отношении к евреям. Известный французский публицист Шербожье писал в 1880 году: «Во Франции трудно понять, что в Германии существует еврейский вопрос и что этот вопрос может возбудить наиболее здравые умы и дать повод к ядовитым полемикам. К счастью, во Франции есть много вещей, которые были решены раз и навсегда. С давних пор мы знаем, что законы одинаково существуют для всех, что нет надобности молиться в католических храмах для того, чтобы пользоваться покровительством закона»². Но не успели высохнуть чернила под этим заявлением, как зимой 1881–1882 годов в Париже один за другим

¹ Еврейская энциклопедия // Антисемитизм. СПб. 1913. Т. 2. С. 658.

² Там же. С. 674.

выходят четыре номера еженедельника *Antijuif* и газета *Antesemitique*. В передовой статье первого номера газеты была объявлена цель издания: «Социальная защита угнетаемого горсткой в 80 тысяч евреев 40-миллионного французского народа». Девиз газеты переиначивал известную фразу выдающегося французского политического деятеля Леона Гамбетты: «Клерикализм — вот враг», девиз же звучал: «...еврей — вот враг».

Но эти издания не пользуются никакой популярностью, влечат жалкое существование и быстро закрываются. Рождение французского антисемитизма нового времени тесно связано с деятельностью талантливого французского писателя и журналиста Анри Дрюмона. В 1886 году выходит его книга «Еврейская Франция». Необыкновенный успех! Книга за короткий период 100 раз переиздается фантастическими тиражами. Увлечательное повествование с массой пикантных подробностей знакомит французов с еврейской историей и с положением евреев в Третьей республике. Для многих французских читателей это была первая книга о евреях, которую они читали. Автор утверждал, что в современной Франции господствуют одни лишь евреи. Они захватили власть над тем самым государством, которое когда-то жгло, убивало и изгоняло их из своих пределов. Евреи виноваты буквально во всем: и во Франко-прусской войне, и в потере Эльзаса и Лотарингии, и в Коммуне, и в упадке общественной нравственности. Причем вину за все беды современной Франции Дрюмон возлагает на евреев абсолютно откровенно, без тени смущения. Как видим, обычный джентльменский набор. Так в чем же дело? Почему этот набор стандартных нелепостей стал вдруг пользоваться во Франции такой бешеной популярностью? В чем причина возрождения французского антисемитизма?

Левый и социалистический антисемитизм

Что же представляли тогда собой французские евреи? По численности они составляли очень небольшую группу. В 1897 году еврейское население Франции насчитывало 71 249 чел., из них 60 тысяч — в Париже. Кроме того, 60 тысяч евреев проживали в Алжире. Обнаружить реальные социальные противоречия между еврейским меньшинством и французами очень тяжело. Как среди крупной промышленной буржуазии, так и среди мелких лавочников и торговцев евреев практически нет. В этих профессиях — исходя из численности населения — процент евреев куда меньше, чем французов. Зато еврейские банкирские дома занимают очень прочные позиции в финансовом мире, особенно — Ротшильды, и огромен процент евреев — людей свободных профессий, а также офицеров и ученых.

Историки дают разные объяснения того довольно неожиданного факта, что страна, которая в XIX веке считалась эталоном свободы и соблюдения прав человека, вдруг в конце этого же века стала основным центром антисемитизма. Одной из важных причин была антисемитская политика французской католической церкви. Она потерпела тяжелое поражение в своих попытках свергнуть республику. Положение церкви ухудшилось после финансового краха католического банка Union generale и в процессе наступательной, антиклерикальной политики, проводимой правительством Ж. Ферри (основную роль в нем играл Поль Бер — еврей по национальности). Для улучшения своего положения католическая церковь решила прибегнуть к старому испытанному средству, о котором известный французский историк Ж. Мишле говорил: «Когда успехи цивилизации грозят опасностью либо успехам, либо влиянию клерикального абсолютизма, последний отражает удар путем диверсии

против евреев»³. Ударной силой католического антисемитизма стал Орден иезуитов, устав которого требовал, чтобы люди, вступающие в орден, могли доказать, что у них нет еврейской крови в четырех поколениях. Католические священники играли заметную роль в движении антидрейфусаров, а иезуитский орден вел широкую антисемитскую пропаганду во всем мире. В разгар дела Дрейфуса основной орган католической церкви журнал *Civiltà Cattolica* писал: «Евреев следует исключить из числа цивилизованных народов во всем мире: в Италии, Франции, Англии»⁴.

Наряду с правым антисемитизмом во Франции был очень силен левый антисемитизм. Его первым представителем следует считать выдающегося утопического социалиста Шарля Фурье, относившегося к евреям с крайней враждебностью и практически ставившего знак равенства между капиталистом и евреем. Один из его учеников, Альфонс Туссенель, разработал этот вопрос в своей книге «Евреи — короли эпохи» — первой антисемитской книге нового времени, написанной во Франции. В своей работе Туссенель резко нападает на капиталистический строй, называя его «олигархическим», «плутократическим», «феодальным». Но корень зла, причину унижений, страданий угнетенного народа Туссенель видит не в характере капиталистического способа производства, а в том «жидовском духе», который охватил Францию эпохи Луи-Филиппа. Как принято у антисемитов, евреев обвиняют во всех смертных грехах. «Жидовский дух» проявляется буквально в каждом биении сердца столь славной в прошлом Франции. Июльская монархия миролюбива, она молча и безропотно сносит все оскорбления со стороны Англии. Виноваты евреи, так как биржа спекулирует на повышении бумаг и не любит войны,

³ Цит. по: Лозинский С. Г. Социальные корни антисемитизма. М.-Л. 1929. С. 155.

⁴ Arendt Hannah. *The Origins of Totalitarianism // Anti-Semitism*. New York. 1958. P. 116.

этого неизбежного падения всех бумажных ценностей. Июльская монархия заботится о проведении железных дорог. Она это делает потому, что евреи выторговали концессию у населения Франции и хотят поживиться за счет этого. Нужно сказать, что автор пытается избежать упрека в грубом антисемитизме и дает несколько своеобразное определение тем, кого он считает евреями: «Я предупреждаю читателей, что слово “еврей” взято здесь в обычном значении “жид”, “банкир”, “спекулянт”. Никто более меня не признает превосходства характера еврейской нации. Еврейский народ, по справедливости, занимает выдающееся место в истории человечества. Это — народ-организатор по преимуществу, народ политического и национального единства. Все читатели Библии, называют ли они себя евреями, женеvцами, голландцами, англичанами, американцами, наверняка нашли в своем молитвеннике, что Бог дал последователям сего закона концессию на монопольную эксплуатацию земного шара. Ибо все эти народы-барышники вносят в искусство обложения данью рода человеческого одинаково пылкий и религиозный фанатизм»⁵.

Социалистическая партия Франции до 1900 года не выступала против антисемитизма. После Панамской аферы многие ее представители допускают в своих выступлениях антисемитские выпады, а столь видные руководители социалистов, как Р. Вивиани и Г. Руане, выступают с такими злобными антисемитскими речами, что их трудно отличить от выступлений последователей Дрюмона. Может быть, одной из причин такого положения был факт, что французские евреи до дела Дрейфуса практически не играли никакой роли в социалистической партии. Все это объясняет то позорное поведение большинства социалистической партии, за исключением Ж. Жореса и его последователей, во время дела Дрейфуса.

⁵ Краткая еврейская энциклопедия // Анархизм. Доп. 3. С. 19.

Клерикальные и социалистические круги вели свою антисемитскую пропаганду в стране с очень нездоровым психологическим климатом и ущемленными национальными чувствами.

Тяжелое поражение во Франко-прусской войне, потеря двух провинций — Эльзаса и Лотарингии, жизнь в условиях постоянных угроз и выпадов со стороны Германии: «Кулак бисмарковской Германии, занесенный над нашей юностью»⁶, — вспоминал об этом времени Ромен Роллан. «Не проходило года, чтобы зловещие птицы не предвещали нам войны на следующее лето»⁷. Постоянное сознание, что Франция слабее, приведшее к резким скачкам политического курса — от заигрывания и униженного пресмыкательства перед Германией 70-х годов до настоящей антинемецкой истерии в конце 80-х годов в эпоху кризиса Буланже. Но, несмотря на все эти скачки, Франция помешана на идее реванша — это основная цель французской внешней политики. «Думайте об этом всегда, но не говорите никогда» — учил один из основателей Третьей республики Л. Гамбетта. Антинемецкая пропаганда принимает все более человеконенавистнический характер. Но немцы — в Германии, и надежды на успешную войну с ними пока что нет. И французские шовинисты ищут врагов в своем собственном доме. Ими оказалась горстка евреев, проживающих во Франции.

Известный русский публицист Н.С. Русанов писал в своих «Письмах из Франции»: «Дойдя до известной степени развития, ненависть к немцам превращается в чисто риторическое чувство, в искусственно согреваемое настроение, при котором человек, обуреваемый этим, безрезультативным по обстоятельствам эффектом, обращает его на самое себя, на своих соотечественников, и как скорпион, смертельно ранящий себя своим же хвостом, видит повсюду

⁶ Роллан Р. Спутники. М.: Гослитиздат, 1938. С. 30.

⁷ Там же.

в своих согражданах шпионов и изменников и готов их растерзать при малейшем подозрении. Эта психология, достойная варваров, должна была рано или поздно вызвать как идолопоклонничество перед армией, которое так сильно проявилось за последнее время, так и ту ненависть к “посторонним”, “чуждым Франции элементам”, которая обращалась на самых подлинных французских граждан, лишь бы они казались подозрительными маньякам шовинизма⁸. Такими гражданами были евреи. И ни уверения французских евреев в их преданности Франции, ни их конкретные действия (интересно, что процент евреев, переселившихся из Эльзаса и Лотарингии после потери двух этих провинций во Францию, превышает процент христиан; семья Дрейфусов была в числе этих переселенцев) не помогли им.

«Толпа евреев с жирными лоснящимися лицами»

На мой взгляд, существовал целый ряд причин, объясняющих превращение Франции в центр мирового антисемитизма. Огромную роль в этом сыграла французская литература XIX века, создавшая определенный стереотип еврея. Ее значение тем более велико, что подавляющее большинство французов лично с евреями никогда не сталкивалось, и представление о евреях у них складывалось от статей во французской прессе (в подавляющем большинстве — антисемитских) и от чтения книг французских писателей. Первым крупным произведением французской литературы XIX века, в котором евреи являются одними из главных действующих лиц, был роман Оноре де Бальзака «Банкирский дом Нусингена». Прообраз Нусингена — Д. Ротшильд. Бальзак создал в изображении

⁸ Кудрин Н. (Русанов Н.С.). Очерки современной Франции. СПб.: Типография Н.Н. Клобукова,, 1904. С. 424.

евреев ряд стереотипов, которым следовали другие писатели. В «Банкирском доме Нусингена» Нусинген, еврей, выведен в крайне неприглядном виде.

Нусинген — король парижской биржи, начавший карьеру со службы мелкого клерка в небольшом банкирском доме и достигший положения, при котором он мог господствовать на мировом рынке. Свое состояние он создал хищническими операциями. «В 1804 году Нусинген был еще малоизвестен, и тогдашние банкиры содрогнулись бы, узнав, что в обращении имеется только на сто тысяч экю акцентированных им векселей. Великий финансист понимал тогда, что он еще личность небольшая. Как добиться известности? Он прекращает платежи. Отныне имя его, которое знали только в Страсбурге и в квартале Пассоньер, прогремело на всех биржах. Он рассчитывается со своими клиентами обесцененными акциями и возобновляет платежи. Векселя его тотчас же получают хождение по всей Франции»⁹. Подобные аферы, приводившие к разорению тысяч семей, он проделывал неоднократно. Он вызывает страх у читателей.

Бальзак так описывает его: «У него не показная, а глубокая пронизательность. Он скрытен и не попадает врасплох. У Нусингена тяжелая рука и холодный взгляд рыси». Он абсолютно не верит людям и заявляет, что «... люди бывают честны только с виду»¹⁰.

Христиан — некоторых из финансистов — Бальзак также рисовал далеко не светлыми красками, например, дю Тийе, но они более мелки и не так опасны, как Нусинген. «Он гений всеобъемлющий. Этот финансовый кит готов продать депутатов правительству и греков туркам»¹¹. Среди финансистов и дельцов-христиан встречаются честные и порядочные люди. Таков барон Д'Алдригер, на службе у которого

⁹ Бальзак О. Банкирский дом Нусингена. М.: Гос. изд. худож. лит., 1953. Т. 8. С. 304–305.

¹⁰ Там же. С. 306.

¹¹ Там же. С. 308.

Нусинген начинал свою карьеру. Разорившись, «честный эльзасец не прекратил платежей, не пытался всучить своим кредиторам обесцененные бумаги, он расплатился полностью и без всяких задержек, а затем ликвидировал свой банкирский дом, чем заслужил отзыв своего бывшего старшего служащего Нусингена: «Честный человек, но — дурак»¹².

Нусинген — не единственный еврейский образ, нарисованный Бальзаком. Рядом с Нусингеном стоит еще более страшная фигура, ставшая символом скупости во всем мире — Гобсек. На страницах бальзаковских романов мы встречаем и еще несколько дельцов еврейского происхождения: Вербурста и других. Эти люди способны на все. В своей «Человеческой комедии» Бальзак показал различные стороны человеческой деятельности, но евреи у него действуют только на бирже, в финансовом мире, в котором они являются королями. Других евреев для величайшего французского писателя XIX века не существует. Еврейская энциклопедия, чтобы доказать, что Бальзак не был антисемитом, пишет: «Нусинген не внушает чувства симпатии, но отрицателен скорее не он, а весь строй социальной жизни, который дает еще возможность перешагнуть через закон, считаясь в то же время честным человеком в Париже»¹³. Но, к сожалению, читатели не делали столь глубокомысленных выводов и узнавали, что евреи — короли биржи действуют страшными методами, а других евреев вроде бы и не существует.

Больше повезло в изображении Бальзака еврейским женщинам. Куртизанка Эстер описана очень тепло и вызывает симпатию. Вообще, еврейским женщинам повезло куда больше, чем мужчинам. Морис Блок писал: «...О еврейке писатели 18-го века говорили лишь противоположное тому, что писали о евреях». В XIX веке происходило

¹² Там же. С. 327–328.

¹³ Еврейская энциклопедия // Евреи во французской литературе. Т. 13. С. 114.

примерно то же самое, но судили обо всей нации не по «хорошей» еврейке, а по «плохому» еврею.

Другим крупным писателем, о котором пойдет речь, был Эмиль Золя. Как-то язык не поворачивается обвинять человека, которому больше, чем кому бы то ни было Дрейфус обязан своим освобождением, в антисемитизме. Но давайте отвлечемся от его участия в деле Дрейфуса и посмотрим на то, что является основным в жизни писателя — на его произведения. Целый ряд персонажей-евреев проходит перед нами в одном из романов из серии «Ругон Макары», «Деньги». В романе рассказывается о парижской бирже, о грандиозной финансовой схватке между католическим и еврейскими банками. В основе лежит реальное событие — борьба банка Ротшильда со Всемирным банком. Евреи в этом романе — банкиры, спекулянты, биржевики, маклеры. Они рисуются в крайне неприглядных красках. С мистическим ужасом пишет Золя о крупнейшем финансовом деятеле Гундермане (его прообразом явно послужил Ротшильд). «Меньше чем за один век чудовищное состояние зародилось, выросло, расцвело пышным цветом в этой семье отчасти благодаря бережливости, отчасти вследствие удачного стечения обстоятельств. Здесь было как бы предопределение, которому помогали живой ум, неустанный труд, осторожные и упорные усилия, постоянно направленные к одной и той же цели. Теперь все золотые реки влились в это море, миллионы сливались с миллионами, богатство поглощалось в этом все растущем богатстве одного лица, и Гундерман стал настоящим хозяином, всемогущим королем, которому со страхом повиновались не только в Париже, но и во всем мире»¹⁴.

С нескрываемым отвращением рисует Золя мир биржи, мир финансовых спекуляций. В этом мире действуют и христиане, и евреи. Многие из христиан также отвратительны,

¹⁴ Золя Э. Деньги. М.: Гос. изд. худож. лит., 1957. Т. 14. С. 75–76.

но среди христиан-биржевиков встречаются все же честные, порядочные люди, вызывающие симпатию. Биржевой маклер Мазо, до последнего момента стремившийся честно расплатиться с теми, кому он должен, и заплативший жизнью за свое банкротство. Комиссионер Масиас, оставшийся «должен семьдесят тысяч франков и отдавший их, хотя мог и не делать этого, сославшись на исключительный случай, как многие другие, занявший деньги у друзей, закабалив себя на всю жизнь»¹⁵. Среди евреев — всеходимцы. «Маклер Натансон сделался одним из царьков кулисы благодаря барышу в миллион франков, которые он получил, играя на понижение для себя и повышение для Саккара. Несмотря на это, он, несомненно, разорился бы, так как очень много покупал для Всемирного банка, который уже не мог оплатить свои покупки, но ему необыкновенно повезло; вся кулиса была признана неплатежеспособной, и ей скостили все ее долги более чем на сто миллионов»¹⁶. Член правления Всемирного банка банкир Комб — единственный еврей в правлении этого католического банка. «За свое любезное невмешательство в дела банка также получил возможность заработать, умело используя за границей могущество фирмы, а порой компрометируя ее своими финансовыми комбинациями»¹⁷. Он не стал дожидаться финансовой катастрофы и вовремя, с большой выгодой для себя, продал свои акции.

Герои Золя часто говорят, что «нужно быть евреем, иначе ничего не поймешь в биржевых делах». Золя ясно стремится показать, что в этой ужасной сфере господствуют евреи. Да и сам облик евреев вызывает у Золя чувство отвращения. В «Деньгах» есть поразительные строки: «Тут была целая толпа евреев с жирными, лоснящимися

¹⁵ Там же. С. 310.

¹⁶ Там же. С. 309.

¹⁷ Там же. С. 215.

лицами, с острым профилем прожорливых птиц, необыкновенное собрание типичных носов; склонившись, словно стоя над добычей, с неистовым гортанным криком, они, казалось, готовы были растерзать друг друга»¹⁸.

Если в романе «Деньги» мы сталкиваемся с евреями, действующими в сфере финансов, то в романе «Его превосходительство Эжен Ругон» мы видим еврея, действующего в мире политики. «Кан родился депутатом. При Луи-Филиппе он уже в рядах правого центра и с юношеской страстью поддерживал конституционную монархию. После 48-го года он перешел в левый центр и в великолепном стиле сочинил республике символ веры. Теперь (при Второй империи) он опять обретается в правом центре и страстно защищает империю. А вообще он сын еврейского банкира из Бордо, владеет доменными печами»¹⁹. Свое депутатское место и близость к министру Кан использует для грязных афер и спекуляций.

В романе «Правда», в котором Золя отражает все перипетии дела Дрейфуса и в резкой форме разоблачает антидрейфусаров-антисемитов, мы встречаем новых персонажей. Учитель Симон — типичный интеллигент, страдающий, подобно капитану Дрейфусу, от клерикалов и антисемитов. Но остальные евреи рисуются черными красками. Например — барон Натан, представитель высших финансовых сфер, ренегат еврейского народа, стыдящийся своей национальности, и его дочь Лия, покупающая титул графини, принеся многомиллионное приданое ярму антисемиту из вырождающихся аристократов.

Совершенно так же, исключительно в черных тонах, рисовал евреев другой выдающийся дрейфусар А. Франс. Еврейская энциклопедия, как это было с Золя и Бальзаком,

¹⁸ Там же. С. 17.

¹⁹ Золя Э. Его Превосходительство Эжен Ругон. М., 1952. Т. 5. С. 54.

стремится доказать, что «хотя в романе “Аметистовый перстень” евреи нарисованы в малосимпатичном виде, нельзя, однако, из этого заключить, что Франс не сочувствует евреям, наоборот, он постоянно являлся защитником евреев...»²⁰. Так в чем же дело? Почему люди, столь страстно в статьях и речах разоблачавшие антисемитизм, в своих произведениях рисовали евреев с весьма малопривлекательной стороны? На мой взгляд, это противоречие объясняется тем, что в речах, в статьях эти люди выступали со своих гражданских, политических позиций. Золя, Франс — сторонники демократической республики со всеобщим равенством всех граждан перед законом, с широкими правами граждан, а антисемитская пропаганда требовала отнять эти права у части французского народа — евреев, и они выступают против этого. Они прекрасно видят, что, прикрываясь антисемитскими фразами, усиливаются военщина и церковь. И на конечных этапах дела Дрейфуса Франции грозит клерикально-военная диктатура. Против этой угрозы они готовы бороться изо всех сил.

Но им лично евреи антипатичны. Они никогда, может быть, в этом не признаются даже себе, но есть правда творчества, и у таких крупных писателей, как Золя и Франс, она сильнее даже их замыслов, и заставляет писать то, что они ощущают, и выводить только отрицательные еврейские персонажи. Без сомнения, многие из их героев существовали и в жизни, но ведь еще в большем числе в среде прекрасно знакомой им французской интеллигенции встречались и другие евреи. Однако даже крупные писатели видят только то, что хотят.

Был ряд французских писателей XIX века, которые тепло писали о евреях и создавали положительные еврейские типы — Жозеф Мерн в романе «Еврей в Ватикане», Эрман Шатриан в романе «Друг Фритц», Фаргунио

²⁰ Еврейская энциклопедия // Франс. Т. 15. С. 369.

в романе «Евреи»... Ряд этот можно было бы продолжить. Но кто знает сегодня вышеупомянутых авторов?! Да и в XIX веке они не пользовались особой популярностью. Книжки же Бальзака, Золя и Франса и тогда, и теперь читают во всем мире.

Еще одна сторона взаимодействия двух культур

Другой причиной, сыгравшей огромную роль в усилении антисемитизма во Франции, было франко-русское сближение, приведшее к заключению в 1892 году военно-политического союза между Францией и Россией.

Начиная с XVIII века между Францией и Россией существует тесная связь. Дипломатические отношения могли быть разорваны, страны могли воевать между собой, но культурные связи оставались необыкновенно прочными. Если мы будем говорить о XVIII веке и о первой половине XIX, то лидером в этом была Франция. Не только вся русская дворянская, но и разночинская интеллигенция уже росла, воспитывалась на идеалах французского просвещения. В русских правящих сословиях французский язык был более популярен, чем русский. Позднее знаменитые французские писатели XIX века Гюго, Бальзак, Золя, Мопассан обрели в России вторую родину. Но в 80-х годах происходит резкое изменение взаимоотношений культур. Имена Достоевского, Тургенева в кратчайший срок становятся самыми популярными во Франции. Издательства одно за другим выпускают во Франции их произведения. Романы выходят в Париже в год их издания в Москве и Петербурге, часто с измененными названиями. Произведения этих писателей, часто окрашенные в антисемитские тона, оказали заметное влияние на французских читателей.

Усиливаются контакты между представителями политического мира Франции и России. Происходит обмен

политическими и военными делегациями, практикуются поездки граждан из одной страны в другую. Французы попадают в страну, где только что, в начале 80-х годов, прошла дикая волна еврейских погромов, одобренная самыми широкими кругами русского общества — от дворянских реакционеров до революционных народников. Атмосфера в России влияла на гостей. Часто эти семена падали на хорошо подготовленную почву. Известны воспоминания ряда французских антисемитов о том воздействии, которое оказали на их взгляды по еврейскому вопросу поездки в Россию или контакты с русскими во Франции²¹, в первую очередь, это относится к создателю и руководителю антисемитской Лиги патриотов П. Деруледу, приехавшему в Россию в 1886 и 1887 годах. Но и в самой Франции Россия развернула антисемитскую компанию. Здесь нужно назвать фамилию, сейчас неизвестную большинству историков, занимающихся историей России или Франции XIX века, а в те времена пользовавшуюся широкой известностью в Париже и в Петербурге.

Илья Фадеевич Цион. Еврейская энциклопедия называет его выдающимся физиологом, труды которого, особенно в области физиологии сердца, принесли ему европейскую славу, он был любимым преподавателем великого русского физиолога И. Павлова. Он и на самом деле снискал славу, но отнюдь не только медицинскими трудами. Известный советский историк А. З. Манфред дал блестящий психологический портрет Циона: «И. Ф. Цион, именовавший себя во Франции “Elie de Cyon”, был, как удачно назвал его Покровский, “патриот двух отечеств”, авантюрист, в облике которого все было противоестественно. Еврей по национальности, крестившийся в зрелые годы, он был антисемитом, монархистом, реакционером, другом М. Каткова. По специальности врач, профессор медицины,

²¹ Chessu. La ligue des patriotes. Paris, 1916. P. 112.

он занимался финансовыми операциями и был русским финансовым агентом в Париже. Он опубликовал исследование о финансовом балансе России и критический этюд о творчестве Л. Толстого»²².

В начале 80-х годов Цион становится директором реакционной французской газеты Galois и постоянным сотрудником «Московских ведомостей» и «Русского вестника» Каткова. С августа 1886 года, по соглашению с Жюльетой Адан, он стал одним из руководителей ее журнала Nouvelle Revue и одновременно, через буланжиста Мильвуа (в будущем — одного из лидеров антидрейфусаров), начал снабжать русскими материалами провинциальные газеты. Основная их тема — немецкая угроза и необходимость франко-русского сближения. Но в статьях самого Циона, как и в русских материалах, очень много антисемитской пропаганды, обвинений евреев в том, что они немецкие агенты, противники русско-французского союза и т. д.

Да и само заключение русско-французского союза способствовало резкому усилению во Франции реваншистских настроений, культы армии, усилению влияния правых кругов.

В середине 80-х годов во Франции организуется антисемитская лига. Во главе ее стоят разорившийся лавочник Герен и разорившийся маркиз Ш. Моррас. Отделения лиги открываются по всей стране. Но особенной популярности во Франции антисемиты пока что не имеют. В начале 1892 года в Париже начинает выходить еженедельная газета Libre parole. Но, несмотря на несомненный писательский талант ее главного редактора Дрюмона, газета на первых порах влачит жалкое существование и не пользуется никаким спросом.

²² Манфред А. З. Образование русско-французского союза. М.: Наука, 1975. С. 228–229.

Алжирский пролог дела Дрейфуса

Несколько иначе обстоят дела в крупнейшей французской колонии Алжире. В 1870 году алжирские евреи получили французское гражданство, что ставило их в привилегированное положение по сравнению с мусульманами. Последние были сильно разозлены на евреев за то, что они приветствовали французское завоевание Алжира и помогали в этом французам. Но мусульмане не имели ни особых прав, ни влияния у себя дома. Противниками алжирских евреев выступали французы, жившие в Алжире, очень охотно подхватившие погромные настроения мусульманской черни. Отцом французского антисемитизма в Алжире стал Вайль, крещеный еврей, редактор газеты *Petit Algerien*, обвинявший евреев в стремлении установить свое господство в Алжире. В начале 80-х годов произошел ряд погромов. Интересно, что в погроме 1884 года приняли участие даже французские солдаты, что должно было показать евреям Франции и Алжира, как к ним относятся во французской армии. В законодательных советах различных городов Алжира слышатся требования о распределении еврейских избирателей по разным округам так, чтобы перевес во всех избирательных округах остался за французами. Представитель Алжира в парламенте Франции Сабатье обвиняет евреев «в пагубном влиянии на политическую жизнь, в том, что еврейская консистория в Алжире является настоящим избирательным бюро»²³. На выборах в местные органы власти ведется разнузданная антисемитская пропаганда: «Избиратели, держитесь! Нам грозит великое зло. У нас скоро будет еврейский муниципалитет, еврейский префект, еврейский губернатор, еврейский командир 19-го корпуса»²⁴.

²³ Еврейская энциклопедия // Антисемитизм. Указ. соч. Т. 2. С. 681.

²⁴ Там же. С. 681.

Но в самой Франции антисемиты пока не пользуются особенно большой популярностью. Изменение обстановки произошло в 1892 году, в связи со скандалом, разгоревшимся после банкротства компании по прорытию Панамского канала.

Панама

В 1879 году во Франции была создана Панамская компания по прорытию канала через Панамский перешеек, окончательно оформленная в 1881 году с капиталом в 900 миллионов франков. Во главе компании встал выдающийся французский инженер, руководитель работ по прорытию Суэцкого канала Ф. Лессепс. Но на этот раз проект был составлен чрезвычайно неудачно, смета расходов сильно занижена. Компания залезла в огромные долги и оказалась в отчаянном финансовом положении. Единственный способ поправить свои дела компания видела в выпуске облигаций выигрышного займа, фактически — лотереи. Но ей необходимо было разрешение правительства, враждебно настроенного к этой идее. Начинается грандиозная кампания по обработке общественного мнения. На прессу сыплется настоящий золотой дождь. Дело поставлено с размахом, и со средствами не считаются. Один из юристов, которому впоследствии была поручена ликвидация дел Панамской компании, говорил: «Я считаю, что в определенное время достаточно было явиться в правление компании с визитной карточкой редактора газеты или создать впечатление, что имеешь влияние на какую-либо газету, чтобы получить деньги»²⁵. На это уходили несчетные миллионы. Обработав прессу, взялись за парламент. Золотой дождь полился на депутатов и министров. Всего

²⁵ Черняк Е. Б. Приговор веков. М.: Мысль, 1971. С. 347.

было подкуплено до 100–150 членов парламента. В марте 1891 года комиссия Палаты депутатов занялась обсуждением вопроса о лотерее. Из 11 человек 6 высказалось против, 5 — за. Для получения нужного большинства был перекуплен за 200 тысяч франков один из шестерки, депутат Сан-Леруа. В апреле 1891 года Палата депутатов 281 голосом против 120 одобрила законопроект, 4 июля голосование в сенате дало 158 за и 50 — против. Грандиозная реклама в прессе и в парламенте сделала свое дело. Заем дал 300 миллионов франков. Но это не спасло компанию. 11 декабря того же года она приостановила платежи. Гигантские деньги ушли в бездонную пропасть. Из собранных 1434 миллионов франков на сами работы было истрачено только 579 миллионов. Стоял вопрос: куда делись остальные деньги — гигантская сумма, более 850 миллионов франков?²⁶

Свои деньги потеряли 500 тысяч человек, принадлежавших к средним классам. Для монархистов, для социалистов, для всех противников буржуазно-республиканского строя панамский скандал был счастливой находкой. Их ораторы, захлебываясь и перекрикивая друг друга, обвиняют республику во всех смертных грехах. Парламентский режим целиком осужден. Но еще более сильно, чем антиреспубликанская пропаганда, ведется пропаганда антисемитская, в которой участвуют как монархисты и социалисты, так и буржуазные республиканцы, стремящиеся свалить всю ответственность за Панаму на евреев.

Какую роль сыграли евреи в этой афере? Среди руководителей Панамской компании евреев не было, не было их и среди подкупленных депутатов (за исключением А. Накэ, вина которого так и не была доказана). Но все руководители банковского синдиката, ведавшие выпуском акций

²⁶ Garçon M. Histoire de la justice sous la 3-e republique Les grandes affaires. Paris. 1934. Vol. 2. P. 58–59.

Панамской компании и осуществляющие подкуп депутатов и прессы, были евреями. Нужно сказать, что известные еврейские банкирские дома Франции во главе с Ротшильдами вообще не питали особой любви к республиканскому строю, а от таких сомнительных авантюр, какой стала компания по прорытию Панамского перешейка, держались в стороне. Им на смену пришли дельцы новой формации, эмигранты или дети эмигрантов из других стран. Руководитель синдиката барон Жак де Рейнак родился в Германии, баронский титул получил в Италии, натурализовался во Франции. Ее крупнейший закулисный руководитель, злой дух Панамской компании, как его называли, Корнелиус Герц родился в семье эмигрантов из Баварии в Безансоне, в 5-летнем возрасте был увезен родителями в США и уже в зрелые годы вернулся во Францию. Именно эти люди, сами или через посредников (среди которых крупнейшим был эльзасский еврей Ж. Артон), занимались подкупом депутатов. Роли были поделены: Рейнак работал среди буржуазных республиканцев и правого центра, Герц — среди левых радикалов. Через их руки шли деньги в двух направлениях: как по подкупу депутатов и прессы, так и в кассу Панамского канала от реализованных акций. Причем чем более неопределенным становилось положение Панамской компании, тем больше денег не доходило до своих адресатов и оседало в карманах посредников. Их роль в катастрофе была очень велика. Особенно загадочна роль Герца. До скандала Герц пользуется грандиозным влиянием в Париже в правых и левых кругах. Советский историк Черняк писал о нем: «Да и самого Герца, этого будто сошедшего со страниц бальзаковского романа героя наживы, было упрощением считать просто преуспевающим биржевым пройдохой. Нет, это был проходимец другого калибра, авантюрист с размахом, созданный из того материала, из которого делают крупные воротилы банков и биржи. Алчность, беспощадность дельца совмещались

у него временами с политическим честолюбием и умением заставить других поверить в серьезность своих радикальных убеждений. Герцу была присуща страсть позабавиться, поиздеваться над своими достойными сподвижниками по походу против карманов вкладчиков»²⁷. Он умел завоевать доверие. Его считали своим другом столь разные люди, как лидер радикалов (в будущем — один из главных дрейфусаров) Клемансо и один из главных буланжистов (впоследствии — лидер антидрейфусаров) Дерулед.

Особняком стоят отношения между Герцем и Рейнаком. В 80-е годы Герц беззастенчиво шантажировал Рейнака, и последний выплачивал ему все новые и новые суммы. В бумагах Рейнака после его смерти был обнаружен счет, названный «шантажом Герца». Из этого счета видно, что Рейнак заплатил Герцу огромную сумму в 9,5 миллиона франков, как своих, так и Панамской компании, и, помимо этого, Рейнак помог ему получить непосредственно в правлении компании миллионные суммы. За счет чего Герц держал Рейнака в ежовых рукавицах, не знал никто. Современники и историки терялись в догадках. Раздавались утверждения, что Герцу были известны некоторые действия Рейнака, бывшие, фактически, государственной изменой. Это способствовало бешеной антисемитской пропаганде. Все евреи объявлялись немецкими шпионами. Нужно сказать, что сам Жозеф де Рейнак вложил в руки антисемитов грозное оружие. В начале ноября, когда он узнал, что его вызывают на допрос, а в прессе начали печататься сенсационные статьи, разоблачающие панамскую аферу, он передал основной антисемитской газете *Libre parole* свой список подкупленных членов парламента. С одним лишь условием: газета обязуется не называть его имя, делая эти разоблачения. *Libre parole* мгновенно стала из маленького, никому не известного листка одной из самых популярных

²⁷ Черняк Е. Б. Указ. соч. С. 351–352.

газет Франции с тиражом в 300 тысяч экземпляров. Дрюмон не сразу публиковал весь список, а делал это постепенно, из номера в номер, увеличивая тираж. Панамский скандал превратил антисемитизм во влиятельную политическую силу Третьей республики. Антисемиты сумели его использовать на сто процентов. Как говорил Дрюмон о панамском скандале, он «сделал невидимое видимым и принес два открытия. Во-первых, он показал, что члены парламента и государственные служащие стали бизнесменами, во-вторых, он показал, что посредниками между частными предприятиями и государством являются почти исключительно евреи»²⁸.

Евреев Франции ждали новые грозные испытания. Были ли они к ним готовы?

«Эти грубые грязные татары»

Коренные французские евреи относились к трем основным группам. В Бордо, в Байоне, жили беженцы из Испании и Португалии, так называемые «марраны», которые с 1730 года стали открыто исповедовать иудаизм. Вторую группу составляли авиньонские евреи, проживавшие во владении римских пап во Франции, в городе Авиньоне. Третью — наиболее многочисленную группу — представляли евреи Эльзаса, который в результате Тридцатилетней войны был присоединен к Франции. Весь XIX век евреи иммигрировали во Францию. Первоначально из Германии, а со второй половины XIX века — из России, Польши и Румынии. Но эта иммиграция была довольно незначительна.

С 70-х годов среди французских евреев резко набрали силу выходцы из Эльзаса, переехавшие в Париж после

²⁸ Arendt H. *Op. cit.* P. 96.

отделения Эльзаса и Лотарингии. Эти семьи (к ним принадлежали и Дрейфусы) становятся самыми яркими французскими патриотами. Перед ними открываются не только салоны Третьей республики, но и аристократические дворцы Сен-Жерменского предместья. Эти семьи свысока относятся к евреям, особенно презрительно — к новым эмигрантам из Восточной Европы. Они очень быстро ассимилируются, забывают еврейский язык, и только соблюдение некоторых догматов иудаизма позволяет им называться евреями. За их презрительное отношение к выходцам из Польши последние считали их ничем не лучше обычных антисемитов. Нужно сказать, что они были напуганы ростом антисемитизма, бешеным успехом *Libre parole*, на страницах которой они могли читать следующие сентенции: «...перед взором Израиля поднимется Париж, о котором он не имеет понятия. Париж святой Варфоломеевской ночи»²⁹.

Многие представители еврейских кругов Франции вместо отпора антисемитам униженно доказывали последним, что французские евреи — типичные французы и не имеют ничего общего с презренными польскими евреями.

В будущем крупнейший дрейфусар и один из руководителей французских сионистов, а в то время левый анархистский публицист и писатель Бернар Лазар проводил четкую границу между всеми остальными евреями, которых он называл «евреями», и французскими евреями, которых он называл «израэлитами». У Лазара евреи, как это принято в традиционной антисемитской литературе, это люди, которые делают деньги и заняты только этим. Израэлиты, с другой стороны, ассимилированы во французском обществе, ограничены в своих желаниях. Обвинения антисемитизма в основном правильны, когда они относятся к евреям: «Израэлиты должны отвергнуть свою связь

²⁹ Еврейская энциклопедия // Антисемитизм. Т. 2. С. 670.

с этими менялами из Франкфурта (явный намек на Ротшильда. — *Л. П.*), с польскими торговцами, с которыми они ничего общего не имеют»³⁰. Лазар призывает израэлитов: «...вышвырнуть этих прокаженных, которые их развращают, вырвать из себя эту гнилость, которая хочет в них войти»³¹.

В своей второй статье Лазар усиливает свои нападки на еврейскую солидарность. О евреях он пишет следующим образом: «Эти грубые грязные татары, которые приходят, чтобы кормиться, в страну, не принадлежащую им, что у них общего с израэлитами?»³² «Приветствовать этих презренных людей, приглашать их в нашу страну, помогать им, покровительствовать, помещать на нашу почву, чтобы облегчить их завоевания, на чье это благо? На благо космополитических евреев, у которых нет связи ни с какой страной, нет никакой привязанности ни к какому народу, которые подобно бедуинам путешествуют по всей планете с полным безразличием. Израэлиты Франции оказываются запятнаны тем же клеймом, как и эти презренные иностранцы»³³.

Будущий сионист в своих нападках идет чуть ли не дальше Дрюмона (неслучайно последний в это время к Лазару хорошо относится, в будущем же во время дела Дрейфуса они будут драться на дуэли). Вышедшую в 1892 году «Историю антисемитизма» Лазара Дрюмон называет образцом «...объективного рассмотрения фактов». Лазар страстно призывает французских евреев отделить себя от остальных: «Благодаря этим евреям, с которыми нас смешивают, забывают, что мы живем во Франции две тысячи лет. Я публично настаиваю на том, что мы не имеем

³⁰ Muchael R. Marrus. The politics of Assimilation. Oxford. 1980. P. 110.

³¹ Ibid. P. 170.

³² Ibid.

³³ Ibid.

ничего общего с теми евреями, образами которых нас тыкают. И нам следует покинуть их»³⁴.

Антисемитизм, направленный против французских евреев, — результат недоразумения. Чтобы избежать его, французские евреи должны сделать одну вещь: «окончательно ассимилироваться, навсегда исчезнуть и потеряться в массе народа, таким путем евреи будут полностью приняты, как французские граждане, и только тогда они будут четко отличаться от вторгающегося племени, часть которого они когда-то составляли. Среди высших представителей расы это поглощение уже произошло, для других это только вопрос времени»³⁵.

Интересно, что к такому же выводу приходят многие христиане. Эмиль Золя в статье для газеты *Le Figaro* писал: «Если евреи еще существуют, то это было виной антисемитов, если бы евреев оставить самих по себе, они исчезли бы, растворились и стали такими же французами, как и все остальные»³⁶.

Без сомнения, большинство евреев Франции не придерживались таких крайних взглядов. Они считали себя евреями, оказывали помощь вновь прибывавшим, а созданная французскими евреями организация *Allians Israelite Universell* (Альянс) оказывала большую помощь евреям во всем мире и защищала их от гонений и преследований. Но, пусть и не в такой крайней форме, эти настроения зашли очень далеко. Французские евреи считали себя более французами, чем евреями. Они очень много говорят о своем французском патриотизме и очень мало — о праве быть другими. Главный раввин Франции Цадок Кан говорил о французской армии языком ордена иезуитов: «Единая семья, имеющая только одну страсть — обеспечить славу

³⁴ Ibid.

³⁵ Ibid. P. 171.

³⁶ Ibid.

и величие отечества... В армии более чем в каком-либо другом месте бьется сердце Франции»³⁷. Во Франции увеличивается количество евреев, перешедших в христианство, растет число смешанных браков. Без сомнения, многие персонажи Франса и Золя типа баронов Бомонов (евреев, принявших христианство и ненавидящих свой народ, играющих видную роль в движении антидрейфусаров) были списаны с натуры. Французские евреи оказались совершенно не готовы к тому, что им предстояло испытать во время дела Дрейфуса.

Первое столкновение

Первым крупным столкновением между французскими евреями и антисемитами явилось дело А. Майера. Уже в первых номерах *Libre parole* развернула кампанию травли и клеветы против еврейских офицеров. Газета обвиняла их во всех смертных грехах и писала, что они готовят будущие измены и национальные бедствия. Кампания против офицеров-евреев была затеяна не случайно. *Libre parole* считала, что для того, чтобы вернее нанести удар врагу, его следует предварительно обезоружить, и вела кампанию по изгнанию из армии еврейских офицеров. Нужно сказать, что в это время военная профессия стала популярна во многих еврейских семьях. Особенно в семьях выходцев из Эльзаса, патриотизм которых требовал немедленного выхода. Количество евреев-офицеров и генералов во французской армии превышает тот процент, который они должны были дать по своей численности. В начале 1895 года их было 240 человек. Аристократы и крупные буржуа-христиане готовы терпеть их в своих салонах, но никак — не в роли офицеров. Во французской

³⁷ Ibid. P. 201.

армии резко возрастает влияние иезуитов. Им совсем не улыбается наличие офицеров, не ходящих на исповедь, и которых они не в состоянии контролировать. Националистов вообще раздражал сам факт, что в славной французской армии, на традициях которой они буквально помешаны, оказались евреи. Еврейские офицеры решили не оставлять эти нападки без внимания. Летом 1892 года еврей Андре Кремье-Фуа, капитан драгунов, послал вызов Дрюмону. Ему ответили, что французские шпаги готовы принять вызов и что ему придется драться на дуэли со всеми друзьями Дрюмона, пока Франция не увидит «un bon cadavre de juif» (свежий еврейский труп). В последующем затем поединке оба противника были ранены. Нужно сказать, что подавляющее большинство офицеров-христиан поддерживает Дрюмона и его друзей. И даже отказывается быть секундантами у своих еврейских коллег. Среди немногих исключений по иронии судьбы был Эстерхази — секундант Кремье-Фуа, в будущем сыгравший такую страшную роль во время дела Дрейфуса. Страсти накалились, и проходят еще две дуэли. Во время одной из них лидером антисемитской лиги маркизом Моррасом был смертельно ранен молодой офицер Ж. Майер.

Это было до разгара панамского скандала, и в едином порыве общественное мнение Франции выступило в защиту евреев. Все парижские газеты (естественно, за исключением *Libre parole*) единодушно осудили кампанию травли офицеров. Военный министр Ш. де Фрейсине, говоря о смерти Майера и о вызовах на дуэль офицеров, заявил, что «...армия знает французов, а не католиков, протестантов, евреев. Ей чужды кастовые предрассудки и страсти прошлых веков. Если призывы к взаимной ненависти — дело отнюдь не похвальное, то натравливание одних офицеров на других, сеяние вражды между одной частью армии и другой должны быть названы национальным

преступлением против самого отечества»³⁸. Майеру были устроены трогательные похороны, в которых принимало участие около 100 тысяч человек: воинские части, представляющие все рода войск, министры, руководители еврейской общины. Французских евреев такая реакция французского общественного мнения на смерть Майера совершенно ослепила. На страницах ведущей еврейской газеты известный публицист Праг писал: «Нет. Антисемитизм — этот немецкий импорт — не укоренится в нашей стране. Нет, Франция не откажется от трудов эмансипации и от завоеваний французской революции. Нет, народ, который справедливо был назван солдатом права и справедливости, не откажется от своего слова и своей миссии»³⁹. Редакция подтвердила вывод, что антисемитизму нанесен удар, от которого он уже никогда не оправится.

До дела Дрейфуса оставалось два года. После смерти Майера глава Центральной еврейской консистории А. Ротшильд собрал консисторию и предложил присутствующим решить, какие предпринять меры в ответ на серьезные нападки антисемитов, но в процессе обсуждения было решено, что руки у них связаны и сделать они ничего не могут. Собрание выразило уверенность, что после смерти Майера антисемитские нападки утихнут сами собой, и решило ничего не предпринимать, кроме того, что послало семье Майера соболезнование.

Эта реакция консистории определила все ее дальнейшее поведение во время дела Дрейфуса. Полная бездеятельность. Французские евреи строят все свои расчеты на благоприятном отношении к ним французского общественного мнения. Они полностью беззащитны перед грозящим им новым взрывом антисемитизма.

³⁸ Еврейская энциклопедия // Антисемитизм. Т. 2. С. 676.

³⁹ Muchael R. Marrus. *Op. cit.* P. 199.

Панамский канал поднял антисемитскую истерию на новый уровень. *Libre parole* осыпает грубыми нападениями буквально все, что касается евреев, не щадя никого. Вслед за мужчинами площадная брань обрушивается и на еврейских женщин. В ответ на это депутат французского парламента и известный журналист К. Дрейфус напечатал в своей газете заметку с целью вызвать дуэль с Дрюмоном: «Человек, который пишет такие мерзости о честных женщинах, негодяй, несмотря на то что он сын умалишенного, сам ненормальный и вообще безответственен»⁴⁰. Заметка не отличалась особой логикой, но цель ее была достигнута. Дрюмон вызвал Дрейфуса на дуэль, во время которой Дрейфус получил три раны, так как Дрюмон грубо нарушил правила дуэли. Больше неприятностей доставило Дрюмону столкновение с другим однофамильцем Альфреда Дрейфуса, Абрамом Дрейфусом, французским драматургом. Он нанес Дрюмону сильный удар, написав статью, в которой полушутя-полусерьезно доказывал, что Дрюмон по своему происхождению — еврей. Эта статья была немедленно перепечатана в столь падкой на сенсации французской прессе. Но под прикрытием газетной войны и дуэлей антисемиты и военщина готовили евреям тяжелые испытания.

⁴⁰ Еврейская энциклопедия // Дрейфус Камилл. Т. 2. С. 341.

Суд и осуждение Дрейфуса

Полицейская оперетта

Историю обвинения и ареста Дрейфуса я сначала представлю так, как она излагается большинством специалистов, а затем представлю свою собственную версию.

Французская разведка завербовала некую мадам Бастиан, служившую горничной у супруги германского посла в Париже. Роясь в мусорных ящиках во всех комнатах немецкого посольства, она выуживала клочки бумаги и доставляла их в так называемую «секцию статистики Генерального штаба», то есть — во французскую контрразведку.

В конце сентября «секция статистики» получила (вернее — уверяла, что получила) обрывки, при восстановлении которых выяснилось, что это секретный документ, названный впоследствии бордеро — сопроводительное письмо с описью разведывательных данных, пересланных автором этого неподписанного и недатированного документа полковнику М. фон Шварцкоппену, немецкому военному атташе в Париже. Вот содержание этого бордеро.

«Не имея известия, желаете ли вы меня видеть, посылаю вам, тем не менее, некоторые сведения: 1) заметку о гидравлической силе 120 л. с. и о способе с ней обращения; 2) записку о войсках и о некоторых изменениях, произведенных по данному плану; 3) записку о переменах форсирования артиллерии; 4) записку о Мадагаскаре; 5) руководство стрельбы для полевой артиллерии (26 марта 1894 г.). Последний из указанных документов трудно достать.

Военный министр разослал определенное число материалов каждой части, эти части отвечают за присланное лично. Офицер, хранящий экземпляр, должен возвратить сейчас же после маневров. Если вы желаете извлечь из него то, что нужно, то я сделаю. Если вы захотите, чтобы была снята полная копия и вам прислана. Отправляюсь на маневры»¹.

Отделение контрразведки (секция статистики), который возглавлял бывший полицейский капитан Ю. Анри, считает, что этими данными мог обладать только штабной офицер. 6 октября подполковник Д'Ормешвилль убедил начальство, что письмо мог написать только офицер-стажер. И хотя в Генштабе семь офицеров-стажеров, едва взглянув на их почерки и почерк бордеро, решили, что это почерк Дрейфуса. Альфред Дрейфус — единственный еврей-офицер в Генеральном штабе. Дальнейшее следствие было поручено штабному офицеру Пати де Кламу, аферисту, графологу-любителю, ведущему следствие в духе дешевых детективных романов. Едва взглянув на почерк Дрейфуса и на бордеро, он заявил: «Несмотря на некоторые различия, почерки Дрейфуса и бордеро настолько похожи, что необходима настоящая экспертиза»². Вызван лучший эксперт по почеркам во Франции, сотрудник Французского банка А. Гобер. Его просят сличить текст бордеро с бумагами, написанными Дрейфусом. С Гобером беседовали заместитель начальника Генерального штаба генерал Ш. Гонз, начальник секции статистики, отличавшийся маниакальным антисемитизмом и патологической неуравновешенностью, подполковник Ж. Сандерр и капитан Анри. Позднее, на процессе в Рене, Гобер сообщит, что у него сложилось впечатление, что принимавшие его были заранее убеждены в виновности Дрейфуса. 13 октября Гобер дал

¹ https://fr.wikisource.org/wiki/Bordereau_de_l%E2%80%99affaire_Dreyfus

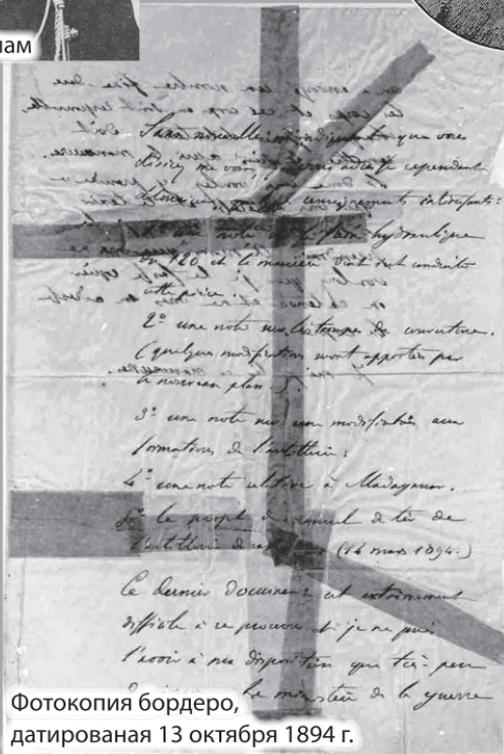
² Там же.

Пати де Клам

Ж. Сандерр

Фотокопия бордеро,
датированая 13 октября 1894 г.

Ю. Анри

А. Бертильон

отрицательный ответ. Автор письма — не Дрейфус. Но генералы действуют стремительными темпами, и уже вечером 12 октября начальник Генерального штаба генерал Р. Буадеффер вызвал майора Пати де Клама и сообщил ему, что военный министр генерал О. Мерсье принял решение об аресте Дрейфуса и ему, Пати де Кламу, поручается вести следствие. Вместо того чтобы искать нового виновного, генералы предпочли искать нового эксперта. Им оказался эксперт парижской полиции А. Бертильон, ненавидевший евреев и помешанный на своих якобы «научных методах» графологической экспертизы. Через несколько часов он дал нужное генералам заключение, в дальнейшем оно будет оглашено на первом процессе Дрейфуса: «Бордеро есть документ калькированный, не будучи таковым и в то же время остающийся таковым. Дрейфус по средствам дециметра подводил под мерку свой собственный почерк, почерк своей жены и своего брата, чтобы комбинировать их в нечто, напоминающее ученое лекало, которое с первого взгляда привело все подозрения на него»³.

Этот бред составлял обвинение. Ранним утром 15 октября 1894 года Дрейфус был вызван в канцелярию Генштаба, где находилось несколько офицеров. Майор Пати де Клам просил написать его заранее составленный диктант, полный текст бордеро, сославшись, что у него порезан палец и что он сам писать не может. В составленном для правительства докладе Д'Ормешвилля так говорится о дальнейшем: «...лишь только капитан Дрейфус заметил, о чем идет речь в письме, его почерк, до того времени правильный и нормальный, сделался неправильным, и его смущение было замечено присутствующими. Спрошенный о причинах смущения, он объяснил, что у него озябли пальцы. Между тем

³ Морнар. Речь по делу Дрейфуса // Судебные ораторы Франции XIX века. Речи в политических и уголовных процессах / Сост. Е. М. Ворожейкин. М.: Институт международных отношений, 1959. С. 268.

Научно-популярное издание

Леонид Григорьевич Прайсман

ДЕЛО ДРЕЙФУСА

Корректор *Е. Г. Закревская*
Оригинал-макет *Л. Е. Голод*
Дизайн обложки *И. А. Тимофеев*

Подписано в печать 15.04.2020. Формат 84×108 ¹/₃₂
Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл.-печ. л. 9,24. Тираж 500 экз. Заказ № 2078

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии издательства «Нестор-История»
Тел. (812)235-15-86

Книга «Дело Дрейфуса» рассказывает об обвинении капитана французской армии, еврея по национальности Альфреда Дрейфуса в шпионаже в пользу Германии в конце XIX века. В ней описываются запутанные обстоятельства дела, всколыхнувшего Францию и весь мир и сыгравшего значительную роль в жизни французского и еврейского народов.

Это первая книга о деле Дрейфуса, изданная в России. Она открывает перед читателем одну из самых увлекательных страниц истории XIX века.

Автор книги, Леонид Прайсман, израильский историк, известен читателю своими монографиями и статьями об истории терроризма и Гражданской войны в России.

